

Боссюэтъ, епископъ москій, и значеніе его для католической церкви во Франціи.

Въ исторіи французской, католической церкви довольно видное мѣсто занимаетъ Боссюэтъ, епископъ москій. Своею ученою и епископскою дѣятельностію онъ заслужилъ всеобщее уваженіе отъ современниковъ и потомства. Современники его, Массильонъ ¹⁾, Лябрюйеръ и всѣ члены парижской академіи того времени называли его «украшеніемъ всего французскаго епископата, всегдашнюю честію для французскаго клира», а наконецъ торжественно почтили его именемъ «отца церкви XVII столѣтія» ²⁾. Съ тѣхъ поръ и понынѣ остается за Боссюэтомъ это высокочтимое наименованіе. Имя Боссюэта превозносятъ также и историки Франціи. Такъ цезарь Каптю прямо величаетъ его «геніемъ и царемъ краснорѣчія» ³⁾. Вообще католическіе писатели не нахвалятся талантами и заслугами этого москаго епископа. Они сравниваютъ блестящее краснорѣчіе его съ классическимъ краснорѣчіемъ самыхъ знаменитыхъ ораторовъ древней Греціи и Рима—Димосфена и Цицерона. Еще болѣе преувеличенными глазами смотрятъ они на богословскіе труды Боссюэта. Въ этомъ отношеніи его сравнивали то съ блаженнымъ Августиномъ, то съ св.

¹⁾ Oraison funebre à M. Louis Dauphin dans Recueil des oraisons funebres de Massillon.

²⁾ Tablettes Chronologiques par. M. Langlet, Discours. prelin. Tom. I, p. XXIX.

³⁾ Hist. Univ. par Cesar Cantu T. XVI, chap. VIII, p. 145—164.

Киприаномъ, то съ св. Амвросіемъ и т. д. ¹⁾ А шотландскій канцлеръ Пертъ даже дерзнулъ уподобить его святому ап. Павлу. «Ваши таланты, писалъ милордъ къ Боссюэту, ставятъ васъ выше другихъ. Вы какъ бы другой ап. Павелъ, труды котораго не ограничиваются одною какою либо націею, или одною какою либо провинціею; ваши творенія говорятъ теперь о васъ на большей части европейскихъ языковъ» ²⁾. Такой католическій гимнъ Боссюэту, очевидно, дышетъ приторнымъ панегиризмомъ. Но въ основѣ этого панегирика скрывается нѣкоторая доля истины. Колоссальная личность Боссюэта, судя по его разносторонней и многолѣтней дѣятельности, величественно выступаетъ изъ ряда обыкновенныхъ католическихъ прелатовъ. Это былъ одинъ изъ замѣчательныхъ французскихъ богослововъ XVII-го вѣка, отличавшійся почти на всѣхъ отрасляхъ человѣческаго вѣдѣнія. Рѣдко можно встрѣтить такую всесторонне развитую, даровитую натуру, которая и развилась очень рано, и очень долго сохраняла свою силу. Обладая необыкновеннымъ даромъ краснорѣчія и энергическою волею, Боссюэтъ провелъ всю свою жизнь въ ученыхъ трудахъ. Онъ трудился то какъ неутомимый поборникъ католицизма, то какъ придворный проповѣдникъ и наставникъ наследника французскаго престола, то какъ защитникъ свободы галликанской церкви. Отъ современниковъ Боссюэтъ отличался и особеннымъ складомъ своего ума, и самымъ своимъ характеромъ. По характеру онъ былъ строгъ, суровъ, гордъ и непреклоненъ. То былъ пылкій и живой духъ, отличавшійся чрезвычайно развитымъ вкусомъ, глубокимъ умомъ, широкою фантазіею, многостороннею ученостію. Очень не многимъ дается удивительное искусство Бос-

¹⁾ *Eloge historique de M. Bossuet* p. XIV—XV, à la tête de *Recueil des oraisons funebres*—par le P. de la Rue.

²⁾ *Lettres sur Bossuet à un homme d'état.*—par M. Poujoulat, p. 60.

сюэта—правиться всѣмъ, кстати блеснуть своимъ краснорѣчивымъ словомъ, и ловко затмить собою славу своихъ соперниковъ. Онъ умѣлъ весьма искусно скрывать свои недостатки, а топкою политикою, изящными манерами въ обращеніи съ другими привлекалъ къ себѣ каждаго и отъ каждаго заслуживалъ вниманіе и уваженіе. Онъ умѣлъ повсюду пріобрѣтать себѣ вѣсъ и значеніе и всюду проводить свои задушевные мысли и воззрѣнія. Какъ ораторъ, Боссюэтъ такъ славился возвышенностію идей и чувствъ, что современники наименовали его «московъ орломъ». Рѣчи и другія его произведенія написаны такимъ блестящимъ стилемъ и до такой степени гармонировали съ релігіознымъ настроеніемъ французскаго общества XVII-го вѣка, что вся Франція приходила отъ нихъ въ восторгъ. Какъ великъ и силенъ былъ этотъ энтузіазмъ,—можно судить уже по тому, что почти каждое сочиненіе Боссюэта выдержало отъ 5 до 6 изданій въ самыхъ большихъ размѣрахъ. Даже за предѣлами Франціи эти блистательные памятники французской литературы 2-й половины XVII-го вѣка возбуждали всеобщій интересъ. Лучшіе изъ нихъ были немедленно переводимы на итальянскій, нѣмецкій, англійскій и другіе языки.

Въ жизни и церковно-исторической дѣятельности Боссюэта замѣчаются три періода: 1) періодъ его воспитанія и миссіонерскаго служенія мелкой церкви, 2) періодъ придворной, ораторской и педагогической дѣятельности, 3) періодъ жизни и дѣятельности въ санѣ москаго епископа. Первый періодъ обнимаетъ время отъ 1627 до 1661 г.; второй—отъ 1661—1681 г.; третій простирается отъ 1681 и до 1704 года.

I.

Жакъ-Бенинь-Боссюэтъ родился въ Дижонѣ 28 сентября 1627 года отъ древней и знаменитой бургундской фа-

миліи. Впрочемъ біографы не одинаково передають его генеалогію. По однимъ, онъ происходилъ изъ рода неизвѣстнаго, бѣднаго; по другимъ—родословная таблица его состоитъ изъ именитыхъ, государственныхъ чиновниковъ. По словамъ послѣднихъ, предки и ближайшіе родственники Боссюэта—дѣдъ, дядя, два двоюродныхъ брата—занимали важныя мѣста въ мѣстномъ парламентѣ. По требованію французскихъ законовъ, отецъ его принужденъ былъ въ 1633 г. перейти изъ Дижона въ мецкій парламентъ и отправлять здѣсь должность старшаго совѣтника. Вслѣдствіе такой перемѣны мѣста службы Бенинь-Боссюэтъ на время оставилъ дѣтей въ Дижонѣ подъ надзоромъ своего старшаго брата Клавдія-Боссюэта. Такимъ образомъ шести-лѣтній Жакъ-Боссюэтъ виѣхъ съ 5-ю другими братьями остался на рукахъ дяди, совѣтника дижонскаго парламента. Клавдій Боссюэтъ былъ для своего малолѣтнаго племянника почти что вторымъ отцомъ. Имѣя богатую домашнюю бібліотеку, онъ всѣми мѣрами старался развить въ мальчикѣ любовь къ наукѣ и чтенію книгъ. Подъ вліяніемъ такихъ благопріятныхъ условій въ будущемъ учителѣ католицизма слишкомъ рано пробудилась жажда знанія. Малолѣтнес, но даровитое дитя по цѣлымъ часамъ проводило время въ бібліотекѣ за книгами. Замѣтивъ въ немъ такую любознательность, дядя поспѣшилъ отдать его на воспитаніе іезуитамъ. Іезуиты тогда заправляли какъ всѣмъ ходомъ и строемъ общественной жизни во Франціи, такъ особенно воспитаніемъ юношества. Хитрый умъ членовъ этого ордена сообразилъ, что въ школахъ открывается для него широкое поле для дѣятельности. Іезуиты скоро поняли, что такимъ путемъ они всего удобнѣе могутъ вліять на духъ и характеръ подрастающаго поколѣнія. Поэтому дѣти Лойолы стремились вездѣ устроить коллегіи такъ, чтобы затмить ими славу протестантскихъ университетовъ. И точно, іезуитскія школы въ

¹⁾ По словам Баура, юношество въ рукахъ изсухнеть въ погода усѣ-
падо въ паухахъ... божье, чуждъ и, вѣрнѣе, "даждь", утѣшеніе... (Klein-
chengeschichte der neuen zeit... Band II. S. 195 - 200).

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией, <http://kdais.kiev.ua>

краснорѣчіе. Всѣ предметы и во всѣхъ классахъ джонскаго учебнаго заведенія читались не иначе, какъ по-латыни. Благодаря такой методѣ преподаванія лекцій, Боссюэтъ успѣлъ такъ основательно изучить латинскій языкъ въ первыхъ 3-хъ грамматическихъ классахъ, что въ дальнѣйшихъ 2-хъ, такъ называемыхъ «classes humaniorum», могъ безъ всякой посторонней помощи читать трудныя по языку произведенія поэтовъ и ораторовъ классической древности. Въ классѣ риторики онъ прослушалъ мѣлологію, древнюю римскую и греческую исторію, а главное—изучилъ теорію изящной словесности и классическаго краснорѣчія по сочиненіямъ Цицерона, Демосфена и т. п. Проницательные іезуиты скоро подмѣтили въ даровитомъ юношѣ будущаго генія церковнаго краснорѣчія, и потому всѣми мѣрами старались образовать изъ Боссюэта искуснаго оратора. Съ этою цѣлію учитель риторики часто заставлялъ его декламировать предъ цѣлымъ классомъ рѣчи знаменитыхъ ораторовъ древней Греціи и Рима, по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства. А чтобы научить его и сочинять изящно ораторскія произведенія, наставлялъ ежемѣсячно заставлялъ его писать на различныхъ темы рѣчи, оды, элегіи, эпиграмы, эпитафіи, описанія, повѣствованія и т. д. Все это Боссюэтъ выполнялъ лучше всѣхъ своихъ товарищей. Такія замѣчательныя способности его ума, а главное—раннее пробужденіе въ душѣ его религіознаго чувства обѣщали въ немъ будущаго полезнаго дѣятеля для католической церкви. Поэтому іезуиты ни за что не хотѣли разстаться съ нимъ и усиливались завлечь его въ число членовъ своего ордена. Съ этою мыслию они постарались перевоспитать его по своему не только въ умственномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Зоркій глазъ ихъ внимательно слѣдилъ за каждымъ шагомъ, словомъ, поступкомъ Боссюэта, подмѣчалъ въ немъ самыя малѣйшія наклонности, стремленія, чувствованія. Все это ис-

кусною рукою ловких педагогов незамѣтно направлялось въ пользу ордена. Благодаря такимъ стараніямъ хитрыхъ воспитателей, черезъ нѣсколько лѣтъ воспитанника нельзя было узнать. Боссюэтъ совершенно переродился въ нравственномъ отношеніи. Въ характеръ его скоро вкралось недовѣріе къ другимъ, скрытность, лицемеріе, желаніе—я говорить, и дѣлать все только для вида. Іезуиты сквозь пальцы смотрѣли на подобныя нравственныя недостатки въ питомцѣ, и нисколько не позаботились искоренить ихъ. Какъ будто это дѣло нисколько не касалось ихъ. Главною заботою, цѣлю своею они поставляли—сдѣлать ученика приверженцемъ римско-католической церкви, покорнымъ орудіемъ іезуитскаго ордена. Поэтому всѣ ихъ усилія клонились къ тому, чтобы образовать изъ Боссюэта 1) закоренѣлаго католика, 2) хитраго, изворотливаго іезуита. Для достиженія первой цѣли іезуиты постарались различными мѣрами развить еще сильнѣе въ воспріимчивомъ юношѣ религіозное чувство и преданность интересамъ католической вѣры. Для достиженія второй—они внушали Боссюэту правила, искусныя приемы практической, іезуитской тактики и тонкой политики. Они научили его—завѣшивать каждое свое слово и дѣйствіе, говорить и поступать всегда съ тактомъ и благоразумнымъ расчетомъ, ловко собою управлять, и неукосно принаравливаться къ каждому случаю и обстоятельству. Подобными мѣрами педагоги дѣйствительно успѣли достигнуть осуществленія на дѣлѣ своихъ задушевныхъ идей. Молодой Боссюэтъ сдѣлался видимо религіознымъ католикомъ и носилъ въ себѣ прочныя задатки іезуитскаго строя, направленія, характера. Казалось, для іезуитовъ настала теперь благоприятная минута для того, чтобы рѣшительно прислушиться къ завершенію дѣла. И вотъ наставникъ риторики въ джонскомъ коллегіумѣ открыто предлагаетъ Боссюэту поступить въ орденъ іезуитовъ. Боссюэтъ отвѣчалъ

на это, что его личностію можетъ располагать одинъ только его отецъ. Таковъ уклончивый отвѣтъ 15-лѣтняго юноши нисколько не смутить тѣхъ, которые всегда упорно преслѣдовали свои цѣли. Іезуиты еще не потеряли надежды на приобрѣтеніе даровитой личности, а изобрѣтательный умъ ихъ скоро нашелъ къ тому вѣрное средство. При посредствѣ Клавдія-Боссюэта, іезуиты упросили Бенія-Боссюэта отправить своего сына въ Парижъ, для полученія высшаго образованія въ знаменитомъ наварскомъ коллегіумѣ. Этотъ учебный институтъ находился тогда въ рукахъ такихъ же точно послѣдователей системы Игнатія Лойолы. Значить, дижонскіе іезуиты нисколько не проиграли дѣла. Если не пришлось имъ у себя задержать гениальнаго человѣка; то удалось передать его съ рукъ на руки своей же столичной братинѣ, которая служила тѣмъ же интересамъ ордена и католицизма. Это была обычная уловка іезуитовъ въ подобныхъ случаяхъ. Не желая выпустить изъ своихъ сѣтей лучшихъ питомцевъ, они обыкновенно посылали ихъ изъ провинціи въ столицу въ полной увѣренности, что не здѣсь, такъ тамъ ихъ приберутъ къ желѣзнымъ рукамъ. Такъ было поступлено и съ Боссюэтомъ. Въ сентябрѣ 1642 года онъ прибылъ въ Парижъ для изученія философскихъ и богословскихъ наукъ въ наварскомъ коллегіумѣ. Это учебное заведеніе во всѣхъ отношеніяхъ носило тотъ же общій іезуитскій характеръ и отличалось отъ дижонской школы только тѣмъ, что кромѣ 5-ти поименованныхъ выше классовъ имѣло еще два высшіе—философскій и богословскій. Какъ столичный, наварскій коллегіумъ, разумѣется, былъ богатъ и лучшими профессорами, и лучшими образовательными средствами. Философія преподавалась въ немъ по системѣ и методѣ Декарта съ примѣсью Аристотелевскихъ началъ логическаго мышленія. То былъ моментъ возрожденія философской науки. Реформація пролила много свѣта на ея

основную задачу, требованія, и нанесла роковой ударъ средне-вѣковой схоластикѣ. Декартъ внесъ въ область философіи новыя начала: сомнѣніе и право личнаго, свободного изслѣдованія. Но какъ ни былъ великъ и силенъ новый толчокъ философской мысли, Аристотель по прежнему царилъ въ тогдашнихъ школахъ. Подъ руководствомъ Николая Корне Боссюэтъ изучалъ въ наварскомъ коллегіумѣ логику, иенку, физику и математику по началамъ Аристотеля. Занимаясь философіею, Боссюэтъ съ такимъ же усердіемъ продолжалъ изучать греческій языкъ. Въ короткое время онъ такъ основательно изучилъ языкъ Гомера, что способенъ былъ понимать красоты образцоваго стилиа Иліады и Одиссеи. Эти и другія замѣчательныя произведенія древняго классическаго міра привлекали къ себѣ его напряженное вниманіе. Вообще главными источниками его наварскаго просвѣщенія служили: изъ классиковъ Гомеръ, Демосеенъ, Цицеронъ, Аристотель, а изъ богослововъ—Тома Аквинатъ и блаженный Августинъ. Причина этого понятна. По возрѣшіймъ и теоріямъ упомянутыхъ лицъ построилась вся система тогдашняго іезуитскаго образованія. Какъ въ основѣ риторическихъ наукъ стоялъ у нихъ Цицеронъ, такъ средоточіемъ философіи служилъ Аристотель, такъ равно исходнымъ началомъ богословія были Тома Аквинатъ и блаженный Августинъ. Боссюэтъ основательно усвоилъ системы этихъ знаменитыхъ авторитетовъ тогдашней западной учености. Успѣхи его въ наукахъ были такъ быстры, что еще на первомъ году своего философскаго курса 16-тилѣтній философъ удостоился чести—въ честь наварской коллегіи защищать публично свою первую диссертацию. Боссюэтъ вполне оправдалъ этотъ почетный выборъ и возлагаемыя на него надежды. По окончанія учснаго диспута въ конгрегационной залѣ всѣ заговорили о немъ, какъ о новомъ чудѣ въ мірѣ учености. Даже при дворѣ узнали про его рѣдкія

природныя дарованія. Но еще болѣе загремѣла ученая слава Боссюэта, когда онъ произнесъ рѣчь въ замкѣ Дерамбулье. Сюда почти еженедѣльно собирався весь образованный парижскій классъ той эпохи. Предъ такимъ-то многочисленнымъ собраніемъ слушателей молодой ораторъ сказалъ рѣчь на данную ему тему, безъ всякой предварительной подготовки. Все общество слушало его съ восторгомъ. Одинъ изъ присутствующихъ даже воскликнулъ: «никогда еще я не слышалъ подобной проповѣди» ¹⁾. Съ такимъ же успѣхомъ Боссюэтъ ораторствовалъ потомъ въ домѣ епископа Делизе. Въ 1648 году, по окончаніи курса своего образованія въ наварской школѣ, онъ былъ оставленъ при заведеніи и защищалъ диссертацию на степень бакалавра, въ присутствіи принца Конде и другихъ именитыхъ лицъ двора и столицы. Диспутъ окончился тѣмъ, что всѣ члены наварскаго коллегіума признали оратора вполне достойнымъ высшей ученой степени и должности бакалавра. Съ этихъ поръ начинается быстрое возвышеніе Боссюэта въ ученомъ отношеніи. Въ 1650 году онъ получилъ степень лиценціата, а черезъ два года (1652 г.) весь коллегіальный штатъ профессоровъ торжественно предложилъ ему титулъ доктора богословскихъ наукъ. Лиценціатство свое Боссюэтъ окончилъ блистательною рѣчью изъ рода «паранимфъ». Такъ назывались тогда рѣчи, которыя оканчивались какимъ либо латинскимъ стихотвореніемъ. Темою для рѣчи Боссюэтъ избралъ текстъ: *Бога бойтеса, цара чтите* ²⁾, и успѣлъ такъ очаровать слушателей, что послѣ часто просили его произносить «паранимфы» въ дни литургическаго торжества наварской коллегіи. Благодаря подобнымъ отличіямъ, Боссюэтъ вскорѣ приобрѣлъ значительный авторитетъ въ глазахъ своихъ сотоварищей по службѣ. Въ

¹⁾ Vie de Bossuet, eveque de Meaux—par Caillot chap. 1, p. 9—12.

²⁾ 1 Петр. II, 17.

знакъ особеннаго уваженія и довѣрія къ нему наварскіе бакалавры наименовали его прокуроромъ, и поручили ему должность эконома при учебномъ заведеніи. Такимъ образомъ имя Боссюэта становилось все болѣе и болѣе извѣстнымъ и изъ стѣнъ наварской коллегіи проникало въ высшіе аристократическіе дома французской столицы. Узнавъ его въ домѣ Дерамбулье, маркизь Дефенберъ познакомилъ его съ такими лицами, которыя пользовались особеннымъ значеніемъ въ Парижѣ и при дворѣ. Своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ и необыкновеннымъ тактомъ въ обращеніи съ другими Боссюэтъ успѣлъ скоро расположить многихъ въ свою пользу. Маршалъ Деюмберъ до того полюбилъ его, что постоянно твердилъ его имя предъ королемъ. Ясно было, что великаго оратора ожидаетъ свѣтлая будущность. Со всѣхъ сторонъ начали предлагать Боссюэту занять то или другое мѣсто службы, отправлять такую или иную должность. Но внутренній голосъ призывалъ его въ другое мѣсто и для иного рода дѣятельности. Внимая этому душевному призванію, Боссюэтъ рѣшился удалиться изъ Парижа. Напрасно Николай Корне пытался удержать его при наварской коллегіи. Напрасно онъ, чрезъ посредство кардинала Мазарини, исходатайствовалъ своему питомцу почетный титулъ старшаго учителя въ коллегіи. Ничто не могло поколебать непреклоннаго Боссюэта. Всѣмъ почестямъ столицы онъ предпочелъ скромное служеніе церкви въ отдаленной провинціи. Онъ немедленно уѣхалъ въ городъ Мецъ.

Такое путешествіе изъ Парижа въ Мецъ Боссюэтъ и прежде совершалъ неоднократно. Городъ Мецъ былъ для него почти что родиною. Здѣсь жилъ и служилъ его родной отецъ. Здѣсь же пребывало и дорогое для его сердца общество близкихъ родственниковъ. Вотъ почему, при новомъ направленіи его духовныхъ стремленій, при пробужденіи въ душѣ

его желанія—служить церкви, мысль его прежде всего сосредоточилась на Мецѣ. Свое служеніе мецкой церкви онъ началъ съ раннихъ лѣтъ своего дѣтства. Еще 13-ти лѣтъ онъ числился каноникомъ кафедральнаго мецкаго собора. Въ 1648 году его посвятили въ уподіаконы; въ 1649 году—въ діаконы, а въ 1652 г. нарекли архидіакономъ мецкой церкви. Великимъ постомъ того же года онъ удостоился сана священства и, какъ аббатъ, началъ служить подъ управленіемъ мѣстнаго епископа Сен-Винцента де-Поля. Внутренняя жизнь Боссюэта въ Мецѣ носитъ на себѣ характеръ церковно-воспитательный. Здѣсь Боссюэтъ теоретически и практически подготовлялся къ своей будущей церковно-общественной дѣятельности. Аккуратное прохожденіе церковныхъ должностей нисколько не мѣшало ему заниматься здѣсь изученіемъ богословскихъ наукъ. Особенная любовь его къ такого рода занятіямъ объясняется общимъ религіознымъ настроеніемъ духа всей Франціи въ XVII-мъ вѣкѣ. Тогда религіозные вопросы и споры привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе. Могушая сила новаго протестантства только сильнѣе воспламеняла религіозный фанатизмъ католиковъ. Для рѣшенія спорныхъ пунктовъ ожесточенной полемики всѣ погружались въ изученіе предметовъ вѣры. Богословіемъ занимались тогда рѣшительно всѣ, безъ различія пола и возраста. Не только юноши, предназначенные исключительно для служенія церкви, но и люди, занимавшіе высшія гражданскія мѣста, внимательно перечитывали многотомныя произведенія древней священно-церковной литературы. Послѣ этого не удивительно, что Боссюэтъ и во время своего пребыванія въ Мецѣ продолжалъ изучать богословскія науки. Ревностно изучая исторію религіи и церкви, онъ въ то же время на практическомъ поприщѣ испытывалъ свои силы и способности. Такимъ путемъ онъ постепенно заготовлялъ себѣ неистощимый запасъ того духовнаго оружія, съ которымъ

впослѣдствіи выступилъ на сцену жизни, какъ краснорѣчивый защитникъ и проповѣдникъ началъ римско-католическаго вѣроученія. Провинціальная уединенность и тишина города Меца не мало благоприятствовали такому образу жизни Боссюэта. Не развлекаемый шумомъ городской жизни, онъ могъ здѣсь преспокойно богословствовать у себя въ кабинетѣ и обогащать себя новыми научными свѣдѣніями. Въ часы свободнаго досуга онъ съ глубокимъ вниманіемъ читалъ книги св. Писанія и усердно изучалъ въ подлинникѣ творенія св. отцовъ древней Христовой церкви. Отчетливо зная латинскій и греческій языки, Боссюэтъ въ непродолжительный періодъ времени успѣлъ перечитать многія изъ ихъ твореній, сосредоточивая вниманіе по преимуществу на экзегетическихъ бесѣдахъ св. Іоанна Златоуста, на сочиненіяхъ Тертуліана и Оригена. Но главнымъ предметомъ его изученія былъ по прежнему блаж. Августинъ. Боссюэтъ не только читалъ нѣсколько разъ его произведенія, но часто извлекалъ изъ нихъ особенно выдающіяся мѣста и буквально заучивалъ ихъ на память. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого метода чтеній сочиненій блаж. Августина было то, что Боссюэтъ всецѣло сроднился съ духомъ и складомъ его мыслей. Блаж. Августинъ болѣе всѣхъ вліялъ на строй и характеръ богословскаго образованія и трудовъ будущаго знаменитаго москаго епископа. Подъ вліяніемъ этихъ условій окончательно созрѣло и окрѣпло богословское міросозерцаніе Боссюэта. Подъ ихъ же вліяніемъ окончательно сложилось направленіе его будущей литературной и ученой дѣятельности.

Эта дѣятельность началась еще въ послѣдніе годы пребыванія Боссюэта въ городѣ Мецѣ. Одинъ важный случай далъ ему возможность приложить къ дѣлу свои широкія богословскія познанія для славы и пользы католицизма. Въ Мецѣ проживало очень много протестантовъ, строго державшихся религіозной системы Каль-

вина. Главнымъ пасторомъ ихъ былъ нѣкто Павелъ Ферри, который отличался между всѣми реформаторами какъ рѣдкою чистотою своихъ нравовъ, такъ и всестороннею ученостію. Жаркій поборникъ реформаци, Ферри отпечаталъ катихизисъ въ 1655 г. Катихизисъ его представлялъ собою сокращеніе кальвинской системы вѣроисповѣданія. Онъ отличался крайнимъ ригоризмомъ первоначальной женеваской школы. Авторъ его старался доказать двѣ основныя мысли: а) необходимость и современность явленія реформаци, б) то, что до реформаци еще можно было спастись въ общеніи съ римскою церковію, а съ появленіемъ реформаци это сдѣлалось дѣломъ невозможнымъ. Оба положенія Ферри подтверждалъ фактами и на нихъ построялъ логическія доказательства и умозаключенія. Такое ученое сочиненіе, написанное отчетливымъ, литературнымъ слогомъ, сильно подрывало значеніе католицизма въ общественномъ мнѣніи. Протестанты торжествовали и съ пропіею подсмѣивались надъ самоувѣренными католиками. Представителямъ римско-католичества нужно было защитить его. И вотъ 27-ми-лѣтній Боссюэтъ берется за перо и немедленно издаетъ «Опроверженіе катихизиса Павла Ферри» ¹⁾. На первое положеніе своего противника онъ отвѣчаетъ, что реформаци если и могла быть необходима: то только относительно церковной дисциплины, общественныхъ нравовъ, но не въ отношеніи вѣроученія. Тутъ Боссюэтъ пытается рѣшить по своему возраженія, какія Ферри представлялъ на основаніи Бернарда, Дегерсопа, Дельера и т. д. Боссюэтъ старается доказать, что та реформаци, какую желали видѣть эти западные ученые, касается однихъ нравовъ. Что же касается до реформаци въ томъ видѣ, въ какомъ ее предпринимали лютеране, кальвинисты и другіе протестанты,

¹⁾ Полное заглавіе сочиненія читается такъ: «Refutation du catechisme du Paul Ferry, ministre de la religion pretendue reformée à Metz.

стантскія общины, то она, продолжаетъ Боссюэтъ, «не только «не необходима, а напротивъ пагубна. Она пагубна: 1) потому, «что прикесла съ собою одно только самовольное отпаденіе «отъ римской церкви, а никому и никогда не позволялось «отдѣляться отъ церкви, 2) потому, что нельзя спастись въ «схизмѣ, которой недостаетъ католическаго единства вѣры «и, слѣд., истины. Истина состоятъ въ единствѣ вѣры. Но «какого единства можно ожидать отъ реформаци, которая «каждому предоставляетъ полное право учить и вѣровать по «своему произволу» ¹⁾. Затѣмъ въ подтвержденіе высказанныхъ мыслей католическій богословъ подробно анализируетъ вѣроученіе протестантовъ, и главнымъ образомъ ученіе объ оправданіи человѣка и значеніи нашихъ добрыхъ дѣлъ. Боссюэтъ показываетъ противорѣчіе между воззрѣніями реформаторовъ на эти пункты христіанскаго вѣроученія и ученіемъ св. Писанія о томъ же предметѣ. Въ концѣ концовъ все это сводится искусною рукою къ любимой теоріи католиковъ, что внѣ предѣловъ римской церкви не возможно спасеніе. «Одна только эта церковь, восклицаетъ торжествующій католикъ, способна рождать дѣтей для неба». Потомъ авторъ старательно доказываетъ непогрѣшимость римской церкви. Что касается до другой мысли Ферри: то Боссюэтъ ловко пользуется въ этомъ случаѣ собственными словами своего противника, и высказанное имъ положеніе обращаетъ противъ него же самого. Боссюэтъ съ радостію выслушиваетъ признаніе противникомъ того, что въ римской церкви можно было спастись до временъ реформаци, и на этомъ основномъ фундаментѣ ловко построяетъ непрерывную цѣпь своихъ дальнѣйшихъ силлогизмовъ. «Если, говорятъ онъ, въ общеніи съ римскою церковью можно было спастись прежде: то отчего теперь это

¹⁾ Oeuvres de Bossuet, edit. 1736—37 г. Tom. I, p. 174—178.

«стало немыслимым дѣломъ? Какое преступленіе совершила «эта церковь? То ли, что она устояла противъ всѣхъ попытокъ реформы? То ли, что католики не увлеклись новостію «ученія Лютера, Кальвина и другихъ подобныхъ сектантовъ»¹⁾? Послѣ этого защитникъ католицизма пересматриваетъ члены римско-католическаго вѣроисповѣданія и изъ всѣхъ силъ старается доказать, что римская церковь всегда неизмѣнно сохраняла свои догматы какъ до реформациі, такъ и послѣ ея появленія въ Европѣ. «А если такъ, заключаетъ «онъ, если эта церковь и нынѣ держится тѣхъ же самыхъ «началъ, исповѣдуетъ одно и тоже вѣроученіе, по однимъ «и тѣмъ же источникамъ, какіе она имѣла въ періодъ до-«реформаторскій: то вѣрующіе, пребывающіе въ нѣдрахъ ея, «безъ сомнѣнія и по нынѣ стоятъ на томъ же прямомъ пути «ко спасенію, на какомъ стояли ихъ предки по вѣрѣ до вре-«менъ реформациі»²⁾. Сочиненіе это оканчивается патетическимъ увѣщаніемъ къ протестантамъ—войти снова въ лоно римской церкви.

Что сказать объ этомъ полемическомъ произведеніи Боссюэта? По суду новѣйшей критики, оно, конечно, не представляетъ особеннаго научнаго интереса. Но по отношенію къ тому времени, въ какое оно появилось въ печати, а главное—какъ первый опытъ молодаго богослова на полѣ религіозной полемики, «Опроверженіе катихизиса Павла Ферри» замѣчательно. Правда, оно страдаетъ недостаткомъ внутренней силы доказательствъ. Въ немъ извращается истина христіанскихъ догматовъ вѣры; доказательства, приводимыя здѣсь,—самыя обычныя; ихъ всегда приводятъ католики, когда пытаются подтвердить свои любимыя теоріи. Такъ напр. Боссюэтъ часто ссылается на неопредѣленныя постановленія кон-

¹⁾ Ibid. 188—189.

²⁾ Ibid. 196—197.

стансаго, базельсаго, тридентсаго соборовъ, на буллы Мартина V-го и другихъ папъ. Подобныя резоны, разумѣется, никого не могутъ убѣдить, кромѣ католиковъ. Но несостоятельность внутреннихъ доказательствъ и самаго существа дѣла отчасти вознаграждается блестящею, внѣшнею отдѣлкою. Ловкими приемами тонкой, схоластической діалектики авторъ старается спутать противника, поразить его его же собственнымъ оружіемъ. Съ этою цѣлію Боссюэтъ подробно разбираетъ каждый пунктъ, каждую мысль Павла Ферри, внимательно слѣдитъ за ходомъ и связію его мыслей, выводовъ, силится уловить его на каждой фразѣ, на каждомъ лишнемъ, или неосторожно высказанномъ словѣ, и по пунктамъ разбираетъ его положенія и умозаключенія. Такая хитрая тактика, замысловатая постановка дѣла не замедлила привести къ желанному результату. Сочиненіе Боссюэта обратило на себя всеобщее вниманіе. Католики съ торжествомъ встрѣтили появленіе въ печати этой книги. Въ наше время едва ли кто сталъ бы читать подобное сочиненіе. Но не таково было настроеніе умовъ во Франціи во 2-й половинѣ XVII-го столѣтія. Тогда римско-католическое вѣроученіе со всѣхъ сторонъ гнѣсимо было протестантствомъ. Подъ вліяніемъ новаго скептическаго направленія въ духѣ времени многіе не такъ-то легко вѣрили различнымъ католическимъ суевѣріямъ. Въ умахъ французовъ начали по временамъ возникать религіозныя неясноты, сомнѣнія, относительно тѣхъ или другихъ пунктовъ римской догматики. Повсюду начались религіозныя толки, споры. Вѣра была на устахъ всѣхъ отъ стараго до малаго. Не только въ залахъ Сорбонны, за столами парижскихъ парламентовъ, но и на улицахъ, въ лавкахъ, частныхъ домахъ предметомъ рѣчи служила религія. Вотъ почему каждое новое сочиненіе, которое затрогивало религіозныя вопросы, читалось французами съ увлеченіемъ. Тѣмъ сильнѣе должно

было заинтересовать современное общество такое сочиненіе, какъ «Опроверженіе калихизиса Ферри». Многіе сознавали, что новая книга эта не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, а между тѣмъ рѣдко кто могъ устоять тогда противъ неотразимаго обаянія примаццивой, изящной формы рѣчи Боссюэта. Даже самъ Ферри подружился съ Боссюэтомъ изъ одного уваженія къ его гениальному уму ¹⁾.

По примѣру своего пастора, менцкіе протестанты тоже стали сближаться какъ съ Боссюэтомъ, такъ и съ другими католиками. Католики только того и желали. Чтобы еще крѣпче завязать эти мирныя отношенія между приверженцами двухъ враждующихъ вѣроисповѣданій, главный викарій менцкой епархіи вздумалъ немедленно учредить въ Менцѣ нѣчто въ родѣ женскаго училища. Въ учрежденіи такихъ школъ тогда настояла особенная потребность для католической церкви. Католики сознавали, что женщина имѣетъ значительное вліяніе въ каждомъ семействѣ. Они ясно понимали, что женщина, какъ мать, сестра, супруга, служить душою семейнаго кружка, что отъ нея не мало зависитъ общее настроеніе духа и характера членовъ той, или другой семьи. Поэтому поборники католическихъ интересовъ обратили особенное вниманіе на воспитаніе дѣтей женскаго пола. Для нихъ повсюду во Франціи начали устроить женскіе институты, главною цѣлю которыхъ было приготовить воспитанницъ къ миссіонерской дѣятельности въ пользу католицизма. Съ подобною же цѣлю воздвигнутъ былъ и въ Менцѣ женскій институтъ, какъ показываешь его наименованіе: «institut pour les filles de la propagation de la foi». Питомицы этой школы предназначались для наставленія лицъ ихъ пола другихъ вѣроисповѣданій, которыя пожелали бы присоединиться къ римской церкви. Епископъ менцій поручилъ Боссюэту составить регламентъ для этого учебнаго заведенія. Боссюэтъ немедленно на-

¹⁾ Kirchen Lexicon—von Wetzer und Welte, Band II, S. 126—128.

писалъ такой регламентъ, который искусно приспособленъ былъ къ главной цѣли новоучрежденнаго института. Поговоривъ о качествахъ, требуемыхъ отъ желающихъ поступить въ заведеніе, авторъ предписываетъ имъ разныя практическія правила, регулируетъ образъ жизни и ежедневный порядокъ ихъ занятій, а потомъ въ немногихъ словахъ излагаетъ все, что касается управленія и дисциплины этого училища. Регламентъ благоразумно распредѣляетъ утреннее и вечернее часы для всѣхъ, какъ учебныхъ, такъ и практическихъ занятій институтокъ. Основываясь на немъ, воспитанницъ не обременяли множествомъ такихъ научныхъ свѣдѣній, которыя не приложимы къ жизни. Регламентъ требовалъ только того, чтобы научить ихъ искусству—ловко дѣйствовать во всякой средѣ, въ каждомъ обществѣ, домѣ, семействѣ. Для этого ихъ должны были научить тому, какъ можно пользоваться для своихъ цѣлей каждымъ удобнымъ случаемъ, какъ проникать въ семейныя тайны, и какъ въ своихъ видахъ заправлять пружинами частной и общественной жизни. Однимъ словомъ, по регламенту предполагалось воспитать изъ женщинъ полезныхъ слугъ для католической церкви, которая могла бы наставлять, убѣждать, склонять всѣхъ къ принятію римско-католическаго вѣроученія. Такой іезуитски-практическій взглядъ на дѣло воспитанія лицъ женскаго пола въ католическомъ мірѣ гармонировалъ съ духомъ и потребностями французскаго общества того времени, а потому, естественно, долженъ былъ заслужить общее одобреніе отъ католиковъ. И точно, регламентъ Боссюэта до такой степени понравился ревнителямъ славы римской церкви, что въ 1672 г. былъ обнародованъ, какъ примѣрный образецъ для внутренняго устройства женскихъ католическихъ школъ въ другихъ городахъ и областяхъ Франціи¹⁾. Вскорѣ объ этомъ узнала королева Анна австрійская

¹⁾ Repertoire des Connaissances Usuelles. Tom. VII, p. 363.

и пожелала содѣйствовать предстоящимъ успѣхамъ католической пропаганды въ Мелѣ. По ея распоряженію, немедленно была наряжена сюда изъ Парижа католическая миссія, состоявшая изъ 20-ти избранныхъ клириковъ и аббатовъ. Сен-Винцентъ де-Поль обязалъ Боссюэта приготовить все необходимое для миссіи, желаемой и посылаемой царицею, и назначилъ его главнымъ начальникомъ этой миссіи. Миссія открыла свою дѣятельность 4 марта 1658 года въ кафедральномъ мелкомъ соборѣ. Боссюэтъ былъ душою ея предпріятій, и съ необыкновенно ловкимъ талантомъ искуснаго политика-вождя направлялъ ходомъ ся дѣйствій. Онъ содѣйствовалъ ея успѣхамъ всѣми силами своего гениальнаго ума и пылкаго духа. Въ домѣ епископа мѣстнаго онъ завелъ постоянныя, ученые собесѣдованія между представителями обоихъ вѣроисповѣданій для взаимнаго примиренія и мирнаго рѣшенія релігіозныхъ недоумѣній. На такихъ богословскихъ диспутахъ голосъ Боссюэта возвышался болѣе всѣхъ другихъ голосовъ. Сен-Винцентъ де-Поль благотѣльно вліялъ на неопытнаго миссіонера, умѣряя пылкость его горячаго духа. Молодой аббатъ работалъ неутомимо. Почти каждый воскресный и праздничный день онъ краснорѣчиво проповѣдывалъ съ церковной кафедры, при чемъ въ самыхъ свѣтлыхъ чертахъ и образахъ рисовалъ вѣроученіе римской церкви. Краснорѣчіе его не осталось совершенно безплоднымъ. Протестанты мелкаго округа стали иначе смотрѣть на вѣроисповѣдныя разности, а нѣкоторые даже рѣшились присоединиться къ римской церкви ¹⁾. Такая успѣшная дѣятельность миссіонеровъ въ непродолжительный періодъ времени (1658—59 г.) привела въ восторгъ католиковъ. Въ знакъ своей глубокой признательности мелкіе католики наградили богатыми бенефиціями какъ самого Боссюэта, такъ и сотрудниковъ его. Недалекое будущее рисовалось въ

¹⁾ Allgem. Kirchen Lexicon—von Aschbach. Band 1, S. 791—795.

глазахъ католиковъ въ самомъ радужномъ свѣтѣ. Они уже начали было мечтать о полномъ торжествѣ католической вѣры надъ ненавистнымъ протестантствомъ,—какъ вдругъ измѣнились обстоятельства, и яркій свѣтъ новой звѣзды католическаго счастья навсегда покинулъ мецкую церковь. Съ 1659 года Боссюэтъ снова является въ Парижѣ и краснорѣчиво ораторствуетъ на каедряхъ самыхъ лучшихъ храмовъ столицы. Громкая слава про рѣдкій проповѣдническій талантъ его быстро пролетаетъ по разнымъ частямъ этого города. Парижане со всѣхъ сторонъ спѣшатъ послушать чудныя рѣчи новаго французскаго Цицерона. Самые именитыя лица столицы и королевскаго дома дѣлаются его постоянными слушателями. Объ немъ заговорили скоро во многихъ домахъ, общественныхъ и частныхъ кружкахъ Парижа. Такая популярность его имени возбудила въ Людовикѣ XIV-мъ непреодолимое желаніе лично оцѣнить талантъ знаменитаго оратора. И вотъ въ 1661 г. французскій монархъ повелѣваетъ Боссюэту проповѣдывать въ постъ предъ Рождествомъ Христовымъ въ дворцовой, луврской капеллѣ. Съ этого момента начинается новый періодъ въ жизни Боссюэта, и онъ выступаетъ на сцену общественной жизни, какъ одинъ изъ замѣчательныхъ французскихъ ораторовъ 2-й половины XVII-го вѣка.

II.

Никогда во Франціи не процвѣтало въ такой высокой степени церковное краснорѣчіе, какъ при Людовикѣ XIV-мъ. Въ этотъ вѣкъ высшаго развитія эстетическаго вкуса въ французскомъ обществѣ на церковныя каедры парижскихъ храмовъ преемственно восходятъ и нисходятъ самые блестящіе проповѣдники Франціи—Флешье, Боссюэтъ, Бурдалу, Масильонъ. Получая въ столичныхъ и провинціальныхъ ораторіяхъ возможно-полное эстетическое развитіе, они являются

творцами новаго французскаго стиля, который по своей изящности может считаться образцовымъ. Въ образцовыхъ рѣчахъ ихъ вы не встрѣтите того грубаго, мелочнаго символизма, въ какой вдавались церковные ораторы среднихъ вѣковъ. Они навсегда распрощались съ смѣшными тенденціями и воззрѣніями проповѣдниковъ времени схоластики. Въ своихъ проповѣдяхъ они уже не привязываются къ разнымъ громкимъ, но въ сущности пустымъ, школярнымъ тезисамъ, схоластическимъ дѣленіямъ и подраздѣленіямъ частей. Рѣчи ихъ не страдаютъ ни непріятною сухостію въ изложеніи, ни натянутою риторичностію предшествовавшихъ имъ ораторовъ. Съ художественною отдѣлкою рѣчи они умѣли соединять естественную простоту и ясность языка, и говорили съ такою силою религіознаго чувства, что слово ихъ неоднократно потрясало слушателей. Такими чертами по преимуществу изобилуютъ рѣчи Боссюэта. Онъ ораторствовалъ съ самоувѣренностію верховнаго провозвѣстника идей католическаго вѣроученія. По словамъ Цезаря Кантію, никогда еще слово человѣческое не соединяло такой правильности и чистоты языка съ такою силою, стремительностію и величественностію мысли ¹⁾. Намъ теперь трудно высказать послѣднее слово о тѣхъ рѣчахъ, которыя лились потокомъ изъ устъ французскаго Демосфена. Извѣстно, что Боссюэтъ не сочинялъ заблаговременно и не записывалъ самъ своихъ рѣчей. Для такого генія краснорѣчія достаточно было, за нѣсколько минутъ до появленія на церковной кафедрѣ, набросать на бумагу основныя мысли своей рѣчи, чтобы потомъ уже на кафедрѣ сообщать имъ жизнь подъ мановеніемъ счастливой минуты ораторскаго воодушевленія. Часто, прежде чѣмъ говорить, онъ выписывалъ только краткія мѣста изъ св. Писанія, латинскихъ, греческихъ отцовъ и учителей церкви, а все осталь-

¹⁾ Hist. Univ. T. XVI, chap. VIII, p. 152—164.

ное—дальнѣйшее развитіе мыслей свободно выполнялъ на каедрѣ его богатый геній. Вотъ почему до насъ дошла одна только канва его рѣчей. Но и въ этихъ незначительныхъ отрывкахъ замѣтна прелестная игра словъ и оборотовъ, замѣтна сила и смѣлость рѣчи. Не даромъ ставятъ Боссюэта почти выше всѣхъ французскихъ ораторовъ ¹⁾. Правда, онъ не столько методиченъ, какъ Бурдалу, не такъ сердеченъ, какъ Массильонъ, за то превосходить ихъ возвышенностію идей и чувствъ. Впрочемъ рѣчамъ Боссюэта недостаетъ истинно-христіанской назидательности и внутренней силы содержанія. По содержанію своему его проповѣди не богаты. Ораторъ не касался всѣхъ интересовъ и основъ общественной и частной жизни Франціи XVII вѣка, а болѣею частію ограничивался одною областію католической догматики и морали. Характеръ этой морали чисто іезуитскій. Она дышетъ желаніемъ автора всѣмъ услужить, угодить, всѣмъ поправиться. Боссюэтъ боялся говорить правду и свѣтлую, евангельскую истину, которая бы рѣзала больныя глаза знатныхъ парижскихъ вельможъ XVII вѣка. Чрезвычайно робко и рѣдко голосъ его возвышался противъ гордости, тщеславія, роскоши, разврата, вообще противъ безчисленныхъ, разнообразныхъ страстей человеческого сердца, центромъ и театромъ которыхъ служилъ тогда сладострастный дворъ Людовика XIV-го. Въ этомъ отношеніи рѣчи Боссюэта имѣютъ самое посредственное значеніе. Да Боссюэтъ объ этомъ мало и беспокоился. Насчитывая на одинъ внѣшній эффектъ, онъ старался только покрасоваться на каедрѣ, блеснуть своими изящными манерами, звучнымъ голосомъ и т. д. Богато одаренный отъ природы, онъ безъ труда собиралъ цвѣты украшеннаго краснорѣчія. Блестящія искры ораторской рѣчи сами срывались съ его языка. Воображеніе щедро снабжало его живописными

¹⁾ Real-Encyclopädie—von Pertzog. B. II. S. 320—322.

образами, поразительными картинами. Такое краснорѣчіе его обаятельно дѣйствовало на умы слушателей. Самъ гордый король до того увлекался его рѣчами, что однажды велѣлъ поздравить отца Боссюэта съ счастіемъ—имѣть такого сына ¹⁾. Скоро Боссюэтъ сдѣлался любимымъ ораторомъ французскаго монарха. По желанію Людовика и двора, онъ проповѣдывалъ каждый рождественскій и великій постъ то въ луврской, то въ версальской капеллѣ, ораторствовалъ при всѣхъ личныхъ, придворныхъ церемоніяхъ, празднествахъ. Каждый разъ рѣчи его выслушивались съ возрастающимъ вниманіемъ. Въ теченіе 10 лѣтъ (1659 до 1669 г.) Боссюэтъ постоянно восходилъ на церковную кафедру въ различныхъ парижскихъ храмахъ, и всегда его слушали, какъ какаго-то новаго оракула французской церкви. Дѣйствительно, краснорѣчіе его было чѣмъ-то новымъ для столицы. Его изящная рѣчь пріятно радовала и выѣстъ какъ-то чудно ласкала изнѣженный слухъ парижскаго общества. До Боссюэта на церковную кафедру во Франціи восходили ораторы лишь для того, чтобы потѣсниться своею схоластическою ученостію ²⁾. Они мѣшались въ своихъ рѣчахъ и кстати, и некстати и священное и свѣтское. Какъ группировались въ ихъ головахъ эти набранныя на прокатъ научныя свѣдѣнія, безъ всякой правильной системы такъ и въ такомъ же точно видѣ они ложились и на бумагу: Боссюэтъ поспѣшилъ отрѣшиться отъ ученой закваски своихъ предшественниковъ. Впрочемъ и въ его рѣчахъ слышите псевдокласицизмъ того времени. Прочтите напр. его рѣчь произнесенную надъ гробомъ принца Конде ³⁾. Она пропитана стараніемъ автора посоперничать съ красотами Иллады. Вообще въ рѣчахъ Боссюэта слышимъ голосъ такого гени

¹⁾ Vie de Bossuet—par Faillet, chap. IV, p. 31—42.

²⁾ Hist. de la littérat. Franc—par Geruzcz, t. II, chap. III, 235—261.

³⁾ Oeuvres de Bossuet, édit 1736—37 т. VII, p. 148—155.

который стремился усвоить духъ и характеръ Цицерона, Гомера и другихъ представителей древней латинской и греческой лиры.

Особенно славенъ Боссюэтъ своими надгробными рѣчами, которыя онъ началъ произносить съ 1667 года при погребеніи именитыхъ лицъ парижскаго общества и двора. По мнѣнію безпристрастныхъ критиковъ, эти рѣчи можно считать образцовыми произведеніями ораторскаго искусства. Вокругъ нихъ «зудесями новаго краснорѣчія» ¹⁾. И точно, нигдѣ и никогда речей Боссюэта не дышалъ такую свободой, какъ среди могильной тишины. Въ надгробныхъ рѣчахъ онъ подчиняется законамъ искусственнаго языка, составленнаго до него бывшими ораторами, а создаетъ себѣ своеобразный языкъ. Языкъ этотъ гремитъ, блеститъ, заставляетъ слушателя стоять; плакать и вмѣстѣ дышетъ геройскою энергіею. Онъ трогаетъ сердца читателей глубокою, таинственною печалію. Ораторъ умѣлъ растворять самую безутѣшную печаль мечтательной сладкой надежды. Надгробное стенованіе Боссюэта важно, естественно. Проникнутая религіознымъ чувствомъ, мысль его никогда не чувствовала недостатка для своего выраженія ни въ изобиліи и разнообразіи формъ, ни въ живости, выразительности образовъ. Мысль его всегда выходила полною, округленною. Читая надгробныя слова Боссюэта, невольно увлекаешься быстрому теченію его мыслей, плодovitости ума, живости воображенія, силѣ чувствъ, гордымъ и грознымъ обаяніемъ рѣчи. Къ сожалѣнію, подъ блестящими, вышними образами въ нихъ скрывается внутренняя пустота содержанія. Сдержаніе надгробнымъ рѣчамъ Боссюэта даетъ низкая лестъ, болѣе ласкательство. Эти рѣчи можно назвать напыщенными, краснорѣчивыми панегириками. Прочтите лучшія изъ нихъ, напримѣръ рѣчь надъ гробомъ Анны австрійской,

¹⁾ Исторія цивилизаціи въ Англии, Т. I, изд. XIII, стр. 593.

Маріи Терезіи ¹⁾ и т. д. Здѣсь вы найдете преувеличенно восхваленіе ихъ подвиговъ, добродѣтелей, талантовъ, каковы никто изъ нихъ никогда не подмѣчалъ за собою. Крайній панегиризмъ рѣчей Боссюэта очень похожъ на тѣ ложныя эпитафіи, которыя на кладбищахъ красно повѣствуютъ о несмѣнныхъ добродѣтеляхъ безукоризненныхъ отцовъ, супруговъ, братьевъ и т. д. Различіе между такими причудливыми эпитафіями и рѣчами Боссюэта состоитъ въ объемѣ и стилѣ. Вообще Боссюэтъ слишкомъ часто являлся на церковной каеедрѣ въ качествѣ придворнаго льстеца-ритора съ приторнымъ ласкательствомъ въ рѣчахъ и движеніяхъ. Искусная рука краснорѣчиваго оратора умѣла прикрывать наглую лезидизяцію отдѣлкою стиля, мнимо-суровыми уроками іезуитской морали. Иногда подъ блескомъ отборныхъ выраженій онъ скрывалъ ненавистные пороки развращеннаго двора Людовика XIV-го. Главнымъ образомъ Боссюэту недостаетъ евангельской искренности, прямодушной откровенности, которая принадлежитъ къ самымъ богатымъ источникамъ истиннаго христіанскаго краснорѣчія. Онъ такъ раболѣпно льстилъ тщеславному Людовику, что, по замѣчанію Арнольда ²⁾, не когда не смѣлъ противорѣчить проявленіямъ его капризнаго своеволія. Вслѣдствіе этихъ причинъ устами Боссюэта истины никогда не говорила прямо сердцу короля и надменнымъ вельможамъ его двора. Ораторъ старался умѣрять строгіе церковныхъ правилъ мягкими, очаровательными претестия языка. Даже когда проповѣдывалъ о важныхъ предметахъ религіи, онъ вносилъ въ рѣчь свою элементы пристрастнаго ласкательства, что, конечно, отнимало у истины ея непоколебимый характеръ. Впрочемъ въ этомъ не столько виноватъ самъ Боссюэтъ, сколько окружавшая его среда. Онъ при

¹⁾ Œuvres de Bossuet, t. VII, p. 95—108.

²⁾ Real-Encyclopädie, B. II S. 317—322.

жался, жилъ въ такомъ обществѣ, которое стремилось угождать самолюбію тщеславныхъ сильныхъ земли. При дворѣ Людовика XIV-го искусство льстить было развито до такихъ утонченностей, что проповѣднику слишкомъ трудно было избѣжать его сѣтей. Честолюбивый монархъ Франціи окружилъ себя одними лишь хвалителями его поступковъ. Корона щедро раздавала пенсію тѣмъ литераторамъ, которые воспѣвали ее въ стихахъ, и въ прозѣ. При дворѣ тогда жили Корнель, Бюффо, Расинъ, Мольеръ и другіе поэты, которые получали отъ двора по 200 пистолей жалованья ¹⁾. Понятно, что поэзія въ то время должна была посвящаться одному двору. Для версальскаго и луврскаго общества они писали разныя стихотворенія, въ которыхъ воспѣвали придворныя празднества, увеселенія и т. п. Они слѣдили за каждою новою мыслию, за каждымъ новымъ желаніемъ короля, и до небесъ расхваливали каждый его шагъ, слово, дѣло. Геройскій образъ Людовика XIV-го у нихъ воспроизводится подъ обоготворенными иертами Александра Македонскаго. При такой обстановкѣ придворной жизни Боссюэту оставалось только заправлять этимъ хоромъ литературныхъ пѣвцовъ. Иначе его никто не сталъ бы слушать, не стали бы терпѣть при дворѣ. Избалованный слухъ Людовика XIV-го и окружающихъ его личностей успѣлъ настолько привыкнуть къ пріятно-ласкающей рѣчи искателей высшихъ государственныхъ почестей, что не могъ бы вынести строгонравственнаго, евангельскаго слова. Вотъ почему тонкій, предусмотрительный іезуитъ-ораторъ считалъ за лучшее—льстить всѣмъ до крайности. И тѣмъ слаще хлѣбъ лился изъ его краснорѣчивыхъ устъ, тѣмъ благодѣйственнѣе относился къ нему король. На любимаго оратора графомъ сыпалась монаршія милости. Онъ получилъ богатое

¹⁾ Louis XIV, son gouvernement et ses relations diplomatiques avec Europe—par Capéfigue t. II, chap. XXVIII, p. 318—325.

пріорство Де-гассенкуртъ, аббатство Де-сен-люсьян-де-Рове, и въ сентябрѣ 1670 года возведенъ въ санъ кондомскаго епископа ¹⁾. Въ то же время король поручилъ ему воспитаніе своего дофина.

Такимъ образомъ 13 сентября 1670 года Боссюэтъ занялъ новый блестящій постъ при дворѣ—постъ наставника принца и наслѣдника французскаго престола. Какъ видите, его педагогическому надзору вручался тотъ, отъ котораго зависѣла будущая судьба всей Франціи. Такое высокое назначеніе побудило Боссюэта немедленно отказаться отъ управленія кондомскою епископіею. Онъ желалъ сосредоточить свое вниманіе и силы на воспитаніи дофина. Король самъ далъ ему предварительную инструкцію, которая подробно предписывала все, что касалось плана, порядка и метода преподаванія. Согласно съ правилами этой инструкціи, педагогъ занимался съ принцемъ ежедневно нѣскольکو часовъ, постепенно приучая его къ серьезнымъ занятіямъ. Боссюэтъ началъ педагогію съ предметовъ религіи ²⁾. Прежде всего принцъ долженъ былъ учить на память краткій катихизисъ. Желая развить въ душѣ царственнаго юноши религіозное чувство, наставникъ предпосылалъ утреннимъ и вечернимъ занятіямъ чтеніе съ объясненіемъ какой либо главы изъ книгъ св. Писанія. Это чтеніе часто разнообразилось разсказами о жизни святыхъ, о дѣяніяхъ замѣчательныхъ проповѣдниковъ католицизма, словомъ, краткими уроками изъ церковной исторіи. Какъ скоро принцъ достаточно ознакомился съ первоначальными основами католической религіи, педагогъ перешелъ къ

¹⁾ Vie de Bossuet, par Caillot, ch. IV et V, p. 31—57.

²⁾ Въ 1679 году Боссюэтъ написалъ письмо къ папѣ Иннокентію XI-му, въ которомъ подробно описывалъ планъ и порядокъ своихъ занятій съ принцемъ. Это письмо помѣщено въ началѣ книги «Oeuvres philosophiques de Bossuet».

языкознанію. Цѣль его была—не только научить дофина грамматическимъ свойствамъ, особенностямъ латинскаго и французскаго языковъ, но и выработать въ немъ классика, который могъ бы изящно читать, произносить слова обоихъ языковъ. Для этого Боссюэтъ читалъ наслѣднику престола подлинныя творенія латинскихъ, французскихъ писателей и заставлялъ его заучивать лучшіе отрывки ихъ произведеній. Кромѣ того принцъ долженъ былъ самъ прочитывать каждое классическое произведеніе отъ начала до конца, а чрезъ то могъ скорѣе и лучше понимать духъ, характеръ, цѣль того или другаго памятника древней латинской и отечественной литературы. Особенно часто приходилось дофину перечитывать стихотворенія Виргилія, а чаще всего—сочиненія Юлія Цезаря.

Послѣ такихъ предварительныхъ уроковъ Боссюэтъ приступилъ къ преподаванію географіи и исторіи. Исторія Франціи стояла на первомъ планѣ. Наставникъ внимательно изучалъ лѣтописи, печатныя и манускриптыя памятники французской исторіи и подробными, живописными чертами изображалъ принцу законодательство, нравы, обычаи, словомъ, весь строй общественной, исторической жизни Франціи въ извѣстный періодъ времени. Какъ служитель римско-католической церкви, наставникъ старательно развивалъ ту идею, что всѣ короли Франціи, начиная съ Клодвига, защищали католическую вѣру и оказывали глубокое почтеніе папѣ,—внушалъ, что только благодаря горячей приверженности вѣнценосныхъ дѣтей французской церкви къ религіи Рима, французское королевство существуетъ столько вѣковъ. Подобные рассказы изъ исторіи Франціи Боссюэтъ заставлялъ своего питомца буквально записывать подъ диктовку сначала на французскомъ языкѣ, а потомъ переводить съ роднаго на языкъ латинскій. Все, написанное такъ принцемъ, педагогъ исправлялъ тот-

Квинтилиана и других древних классиков, а правила о законах логического мышления почерпалъ изъ философскихъ системъ Платона, Аристотеля. Руководясь этими всегдашними источниками классической философіи, Боссюэтъ написалъ логику. Она состоитъ изъ 3-хъ частей, изъ которыхъ 1-я трактуетъ о понятіяхъ, 2-я—о сужденіяхъ, а 3-я—объ умозаключеніяхъ. У Платона Боссюэтъ заимствовалъ теорію объ идеяхъ, а у Аристотеля—трактатъ о разумѣ. Вообще логика эта отличается легкимъ и яснымъ стилемъ. Приводимые въ ней примѣры для поясненія извѣстныхъ логическихъ положеній болѣею частію удачны и свойственны своему предмету. Читая такую логику дофину, Боссюэтъ болѣе сосредоточивалъ вниманіе на трактатѣ о вѣроятныхъ доказательствахъ. Причина этого факта—та, что подобные доводы тогда чаще всего употреблялись какъ въ дѣловыхъ, судебныхъ дѣлахъ, такъ и въ словесныхъ диспутахъ, для которыхъ въ то время и изучали по преимуществу аристотелевскую философію. Боссюэтъ подробно объясняетъ принципу, когда и какъ должно вооружаться такими схоластическими приемами и доказательствами.

Съ логикою педагогъ соединялъ преподаваніе философско-католической морали,—соединялъ потому, что «логика и мораль, выражалась его собственными словами, служатъ для образованія (развитія) двухъ нашихъ способностей—понимать и желать» ¹⁾. Такую нравственную философію Боссюэтъ читалъ принципу на основаніи правилъ Вульгаты и морали Аристотеля, Сократа, Платона. Проводя строгую параллель, между кодексомъ нравственныхъ предписаній этихъ философовъ и евангельскими заповѣдями, придворный французскій моралистъ-католикъ старался изобразить недостижимую высоту католическихъ нравоученій въ сравненіи съ нравствен-

¹⁾ Читайте письмо его къ калѣ 1679 г помѣщ. въ началѣ—Oeuvres philosophiques de Bossuet.

ными уроками классических мыслителей древней Греции. Из философов систем Сократа, Платона, Аристотеля он выбирал только такие правила, которые согласовались с общим духом католического мирозерцания. «Из философии, пишет он к папе Иннокентию XI-му, мы выбирали истинные правила, полезные для человеческой жизни. Оставляя в стороне пустые диспуты философов, мы ограничивались исторической формой систем и мнений философов. Но размыслив, что истинным философом может быть только тот, кто знает самого себя, кто углубляется в свою душу для того, чтобы потом возвыситься до богопознания, мы прежде всего старались познать самих себя, т. е. наши способности: знать, желать и чувствовать». Проникнутый такими психологическими идеями, Боссюэт вскоре написал для принца замечательный трактат под заглавием: «*De la connaissance de Dieu et de soi-meme*». Это — не что иное, как краткая психология, составленная с большою точностью, верностью психологического анализа, поразительною методичностью и ясностью в изложении дела. В этом сочинении вы видите смесъ началъ картезианской философии съ началами аристотелевской схоластики, а также съ различными воззрѣніями Тома Аквината и блаженного Августина. Руководясь образцовымъ сочиненіемъ Декарта: «*Discours, sur la methode de la philosophie*», Боссюэтъ развиваетъ ясно и съ строго-научною послѣдовательностью основныя начала психологіи. Изучить душу и тѣло съ ихъ взаимными отношеніями, возвыситься отъ разсмотрѣнія этихъ трехъ психологическихъ пунктовъ до богопознанія, и отъ Бога снова низойти къ изученію природы животныхъ — вотъ планъ разбираемаго нами произведенія Боссюэта. Картезианскій духъ этого французскаго мыслителя особенно высказывается въ употребляемомъ имъ методѣ. Въ этомъ отношеніи Боссюэтъ

не только усваиваетъ теоріи и начала Декарта, но еще болѣе развиваетъ ихъ. Психологическій методъ Боссюэта состоитъ въ наблюденіи. Этотъ психологъ отвергаетъ апріорный методъ въ наукѣ психологіи и старается построить психологію преимущественно на опытѣ. Отсюда такая точность и вѣрность тѣхъ психологическихъ свѣдѣній и выводовъ, какими изобилуетъ его трактатъ «О познаніи Бога и себя самого». Все сочиненіе раздѣляется на 5 главъ, разбитыхъ въ свою очередь на отдѣльные параграфы. Въ 1-й главѣ рѣчь идетъ о дѣятельности нашихъ чувствъ и ума. Здѣсь авторъ съ рѣдкою силою отчетливыхъ опредѣленій показываетъ различіе между чувственными ощущеніями и сознательнымъ пониманіемъ нами того, что передаютъ нашей душѣ внѣшнія чувства. Послѣ аналитическаго разбора души съ ея разными способностями, авторъ переходитъ во 2-й главѣ къ разсмотрѣнію тѣла съ его органами. Здѣсь онъ показываетъ такое спеціальное знакомство съ фізіологією и анатомією, что приводитъ въ удивленіе современныхъ ему ученыхъ естествоиспытателей ¹⁾. Вообще эту вторую часть сочиненія его можно назвать ученымъ, анатомическимъ рисункомъ удивительной организаціи человѣческаго тѣла. Чудеса нашего организма и нашей души наполняютъ и слѣдующую затѣмъ 3-ю главу, главнымъ предметомъ которой служить связь души съ тѣломъ. Рѣшая этотъ вопросъ, Боссюэтъ признаетъ таинственность факта и вмѣстѣ усваиваетъ теорію причинъ случайныхъ, которую Малербраншъ извлекъ изъ системы Декарта. «Связь души съ тѣломъ», говоритъ Боссюэтъ, главнымъ образомъ замѣчается по двумъ дѣйствіямъ: а) по ощущенію чувствъ, во время котораго душа подчиняется тѣлу, и б) дѣятельности чисто разумной, когда душа вполнѣ царитъ и предсѣдатель-

¹⁾ Vie de Bossuet, par Caillot, chap. VII, p. 68—77.

«ствуетъ въ тѣлѣ» ¹⁾. Затѣмъ онъ объясняетъ то, какимъ образомъ наши чувствованія соединяются съ потрясеніемъ нервъ, какъ душа воспринимаетъ эти чувственные ощущенія и т. п. Вообще Боссюэтъ воспроизводитъ здѣсь представленіе блаженнаго Августина, что тѣло есть инструментъ, орудіе души, а это въ свою очередь есть эхо платоновскаго опредѣленія человѣка: «человѣкъ есть душа, пользующаяся тѣломъ». Далѣе въ 4-й части Боссюэтъ восходитъ отъ самопознанія до богопознанія и учитъ, что Богъ есть Творецъ какъ нашей души, такъ и тѣла, виновникъ жизни человѣка.. «По каждому движенію нашихъ органовъ, читаемъ здѣсь, мы должны узнать въ себѣ твореніе высшей силы, должны всегда ощущать въ себѣ присутствіе Бога. Богъ всегда присущъ намъ такъ, что безъ Него человѣкъ не имѣлъ бы ни духа, ни движенія, ни жизни, ни разума..... Для возвышенія души нашей къ Богу достаточно познанія высшихъ сторонъ своей «духовной дѣятельности» ²⁾.—Наконецъ 5-я и послѣдняя часть психологіи Боссюэта говоритъ о различіи между нашею душою и душою животныхъ. Вопросъ о душѣ животныхъ былъ тогда самымъ современнымъ вопросомъ, рѣшеніемъ котораго занимались всѣ послѣдователи картезіанской философіи. Боссюэтъ излагаетъ двѣ противоположныя системы объ этомъ предметѣ;—это: а) ученіе Фомы Аквината, б)—Декарта. Последний, какъ извѣстно, отвергъ старую гипотезу, по которой животныхъ считали чистыми машинами. Боссюэтъ же держится середины между этою гипотезою и крайнею картезіанскою теоріею о душѣ животныхъ. Различіе между душою человѣка и душою животныхъ, по мнѣнію Боссюэта, состоитъ въ высшей

¹⁾ Oeuvres philosophiques de Bossuet—de la connais. de Dieu et de soi-meme, chap. III, section II. p. 88—90.

²⁾ Oeuvres philosoph.—De la connais. de Dieu et de soi-meme chap. IV. p. 142—160.

разумности человека сравнительно съ нѣкотораго рода смышленностью животныхъ. «Животныя, философствуютъ онѣ, не сознають своихъ дѣйствій, хотя дѣйствуютъ цѣлесообразно, а человекъ сознаеть все акты своей души, хотя не всегда одинаково ясно и отчетливо» ¹⁾. Таково содержаніе психологическаго трактата Боссюэта. Остается сказать нѣсколько словъ о его философскомъ міросозерцаніи. Философія его не поражаетъ анаеомоу человѣческой разумъ за способность—пораждать нерѣдко одинъ фальшивый раціонализмъ. Подобно Томѣ Аквинату, Боссюэтъ мыслить, что умъ нашъ можетъ познавать истину, хотя и въ извѣстныхъ только предѣлахъ. Онъ признаеть способность нашего разума—познавать себя, міръ и Бога, но познавать въ извѣстной только степени. Словомъ, Боссюэтъ идетъ по стопамъ Декарта, но не для сомнѣнія всеразрушающаго, а для утвержденія того, чего уже нельзя отрицать. По взгляду Боссюэта, только та философія и достойна своего высокаго имени, которая твердо вѣрить въ бытіе Бога и божественнаго Провидѣнія, которая указываетъ душѣ нашей на ея существенное назначеніе—быть безсмертною.

Кромѣ разныхъ отраслей философскихъ наукъ Боссюэтъ читаль дофину математику и физику. Впрочемъ математическія занятія ихъ ограничивались одною военною техникою. Педагогъ училъ своего питомца, какъ строить укрѣпленія и атаковать ихъ, какъ располагать военные лагеря и т. д. Что касается до физики, то она изучалась принципомъ по методѣ Аристотеля. Соединяя чтеніе лекцій о міровыхъ законахъ и дѣйствующихъ силахъ съ физическими опытами, наставникъ показываль, какъ всеми міровыми событиями, физическими явленіями и ихъ законами управляетъ десница Всевышняго.

¹⁾ Oeuvres philos.—De la connoiss. de Dieu et de soi-même ch V, p. 167—192.

Но главною заботою Боссюэта, какъ придворнаго педагога, было—научить принца мудрой государственной политикѣ. Для этой цѣли учитель сообщалъ ученику основныя понятія по юриспруденціи, объяснялъ ему, что такое право, сколько родовъ и видовъ его, каковы бываютъ условія и состоянія лицъ въ юридическомъ отношеніи и т. п. Желая воспитать въ принцѣ будущаго мудраго правителя-короля, Боссюэтъ написалъ для него особое сочиненіе, подъ заглавіемъ:

La Politique, tirée des propres paroles de l' Ecriture Sainte». Въ этомъ сочиненіи политѣ всего высказался взглядъ Боссюэта на государственную политику. Основная мысль въ его «свѣщ. политикѣ»—та, что монархизмъ есть самая лучшая форма государственнаго управленія. Тутъ авторъ грозно возстаетъ противъ анархіи и безпорядковъ аристократическаго и демократическаго образа правленія. На основаніи слова Божія и трактата блаж. Августина—«Истинное счастье королей», Боссюэтъ начертываетъ весь планъ и строй общественной жизни государства, указываетъ подробно, какія обязанности лежатъ на дорогѣ въ отношеніи къ подданнымъ и какія обязанности послѣднихъ въ отношеніи къ своему верховному правителю. Итакъ здѣсь государственная политика является дочерью религіи и законъ божественный представляется, какъ достоинство и величіе всякаго гражданскаго общества, какъ главная основа и опора для всѣхъ общественныхъ учреждений. Въ Свѣщ. Политикѣ Боссюэта особенно хорошо то, что съ идеею о царской власти авторъ соединяетъ идею о законѣ и справедливости. «Царь долженъ быть отцомъ народа, а не тираномъ, долженъ править государствомъ правосудно и мудро, основываясь на опытѣ прошедшихъ вѣковъ, долженъ заботиться о благѣ подданныхъ» ¹⁾. Желая возвысить и освятить въ глазахъ народа королевскую власть, Боссюэтъ замѣ-

¹⁾ Vie de Bossuet, ch. VIII, p. 77—89.

часть въ величїи короля-монарха образъ величїя Божїа. «Вотъ почему, прибавляетъ онъ, всѣ должны безпрекословно «повиноваться монарху, если только его распоряженія не противорѣчаютъ божественнымъ заповѣдямъ. Государь рѣшаетъ «всѣ дѣла, кромѣ религіозныхъ споровъ. Въ религіи судить «церковь, а король только покровительствуетъ ей» ⁴⁾). Къ сожалѣнію, при такихъ полржительныхъ достоинствахъ, Священная Политика Боссюэта страдаетъ натянутостію въ логическихъ выводахъ и умозаключенїяхъ. Авторъ до крайности увлеченъ былъ исключительными идеями Людовика XIV-го и потому усиливался, во что бы то ни стало, найти имъ освещеніе въ св. книгахъ. Какъ раболѣпный поклонникъ неограниченнаго авторитета Людовика XIV-го, Боссюэтъ пытался доказать въ своей «Политикѣ», что Франція 2-й половины XVII вѣка, благодаря мудрости этого монарха, представляетъ единственную страну, гдѣ возможно благоденствіе народа. Непрактичность подобныхъ теорій очевидна съ перваго же раза. Онѣ не вездѣ и не всегда могутъ быть приложимы къ дѣлу и даже мало согласуются съ вѣковыми преданїями, самой Франціи. Впрочемъ ложность нѣкоторыхъ изъ политическихъ воззрѣній Боссюэта явняется духомъ того времени. Весь вѣкъ Людовика XIV-го дышалъ крайними воззрѣніями этого короля. Его идеями была пропитана вся французская атмосфера и общественная среда той эпохи. Понятно, Боссюэтъ не могъ не уступить тому общему движенію, которое даже самую религію католическую заставляло преклоняться предъ непреклонною волею этого повелителя.

Частная жизнь Боссюэта при дворѣ не была изолированной. Отличаясь ловкимъ, іезуитскимъ тактомъ въ обращеніи съ королемъ и придворными лицами, Боссюэтъ скоро успѣлъ привлечь къ себѣ всѣхъ, съ кѣмъ только сталкивался

⁴⁾ Ibid

его судьба. Со всѣхъ сторонъ стекалась къ нему именитая парижская знать той эпохи для собесѣдованія съ нимъ о различныхъ предметахъ челоуѣческаго вѣдѣнія. Окруженный Фенелономъ, Флери, Пелиссономъ, Лябрюйеромъ и другими парижскими учеными конца 17 вѣка, Боссюэтъ то рѣшалъ предлагаемыя ими возраженія и вопросы, то читалъ имъ вырвыи изъ своихъ прежнихъ сочиненій. Тутъ ученые друзья затрогивали самые разнообразныя вопросы, касавшіеся исторіи, современной литературы, философіи, но чаще всего религии. Какъ учитель римско-католической церкви, Боссюэтъ перѣдко объяснялъ своимъ приближеннымъ тотъ, или другой догматъ католической вѣры, то, или другое мѣсто изъ св. Писанія. Результатомъ такимъ богословскихъ занятій было появленіе въ печати экзегетическихъ трудовъ Боссюэта. Прежде всего онъ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «*Libri Psalmorum additis Canticis cum notis*». Эти замѣчашя отличаются краткостію, точностію. Но главное ихъ достоинство состоитъ въ томъ, что они чужды мечтательныхъ и мистическихъ толкованій, какими тогда заражены были послѣдователи Quietизма во Франціи. Черезъ нѣсколько лѣтъ Боссюэтъ отпечаталъ новое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «*Libri Solomonis, Proverbii, Ecclesiasticus, Canticum Canticorum cum notis*». Въ предисловіи къ этому произведенію авторъ излагаетъ нѣсколько предварительныхъ свѣдѣній относительно предмета и содержанія извѣстной учительной книги св. Писанія вѣхаго завѣта, цѣли писателя, времени ея написанія и различныхъ переводовъ той или другой книги. По внутреннимъ качествамъ своимъ это сочиненіе, хотя и обширно по объему, но далеко уступаетъ вышеупомянутымъ замѣчаніямъ Боссюэта на свящ. книгу Псалмовъ.

Наконецъ періодъ придворной жизни Боссюэта ознаменованъ еще религіозно-полемическою дѣятельностію. Стремле-

ніе—поразить ненавистное протестантство для торжества католической вѣры ни на минуту не оставляю духа Боссюэта. Въ 1668 году онъ начерталъ, а въ 1671 г. издалъ въ свѣтъ самое лучшее изъ своихъ богословскихъ сочиненій, подъ заглавіемъ: «Exposition de la doctrine de l'Eglise catholique sur les matieres de controverse». Это—нѣчто въ родѣ катихизиса католическаго, цѣль котораго—сообщить реформатамъ самое благоприятное представленіе о католицизмѣ. Главную задачу автора было—убѣдить протестантовъ въ томъ, что различіе между католическимъ вѣроисповѣданіемъ и протестантскимъ не значительно, что оно увеличивается въ глазахъ противниковъ (т. е. реформатовъ) только вслѣдствіе ихъ религіозныхъ недоразумѣній, невѣрнаго, пристрастнаго взгляда на дѣло вѣры. Поэтому «Изложеніе католической вѣры» Боссюэта носить на себѣ характеръ примирительный. Авторъ усиливается сгладить крайность и шероховатость католической догматики, излагаетъ ее не въ ея дѣйствительной сущности, а въ такомъ видѣ и свѣтѣ, какой могъ бы понравиться приверженцамъ противной партіи. Въ своемъ сочиненіи искусный полемистъ и примиритель партій излагаетъ только тѣ пункты католическаго вѣроученія, которые имѣли непосредственное отношеніе къ религіознымъ спорамъ, возникшимъ въ 16-мъ и 17-мъ столѣтіяхъ на западѣ. Оставляя въ сторонѣ мелкія, частныя возраженія противниковъ, которыя не касаются существенныхъ основъ вѣры, католическій вѣроучитель старался въ простыхъ и удобопонятныхъ формахъ представить догматическое ученіе римско-католической церкви, по опредѣленію тридентскаго собора. Отъ такого изложенія догматовъ вѣры Боссюэтъ ожидалъ двухъ благоприятныхъ слѣдствій: 1) что большая часть религіозно-полемическихъ споровъ между католиками и протестантами тотчасъ прекратится, какъ скоро противники получатъ новое представленіе о католическомъ

вѣроученіи; 2) остальные спорные пункты вѣры, какъ не основныя, сами собою утратятъ силу и значеніе. И дѣйствительно, какъ скоро появилось въ печати вышеупомянутое богословское сочиненіе Боссюэта, произошло сильное волненіе умовъ. Чтеніе этого трактата сильно повліяло на умы современниковъ. Оригинальная постановка дѣла и блестящее, со стороны слога, изложеніе вѣроученія такъ заинтересовали всѣхъ лицъ, слѣдившихъ за ходомъ и успѣхомъ религіозной полемики того времени, что сочиненіе Боссюэта немедленно было переведено на разные европейскіе языки ¹⁾. Кромѣ того, авторъ получилъ за свой трудъ самое лестное письменное одобреніе отъ нѣкоторыхъ кардиналовъ, придворныхъ вѣлатовъ Франціи и Рима, а въ 1679 г. и отъ самого папы Иннокентія XI-го ²⁾. Изложеніе вѣры Боссюэта такъ привлекало всѣхъ къ себѣ съ перваго же раза, что нѣкоторые изъ недальновидныхъ французскихъ диссидентовъ рѣшились присоединиться къ римской церкви. Такимъ образомъ кальвинизмъ вскорѣ потерялъ во Франціи самыхъ главныхъ своихъ покровителей. Мы разумѣемъ маршала Тюрення, маркиза Дажо, маркиза Курсильона ³⁾ и др. Богословскій трактатъ Боссюэта тѣмъ легче содѣйствовалъ католической пропагандѣ, что въ немъ съ замѣчательною тонкостію и ловкою хитростію авторъ показывалъ, какъ, будто бы, проста вѣра и религіозная практика римско-католической церкви, въ противоположность спутанному религіозному ученію и церковной практикѣ протестантства. Вообще говоря, въ этомъ замѣчательномъ произведеніи Боссюэтъ повелъ дѣло религіозной полемики повымъ, неизвѣстнымъ дотолѣ путемъ. Онъ упо-

¹⁾ Oeuvres de Bossuet, edit 1786—87 т. I.—Eloges hist.

²⁾ Тамже.

³⁾ Vie de Bossuet, chap. III, p. 22—30.

требляетъ особенный, выражаясь словами кардинала Бонн¹⁾; геометрический методъ для убѣжденія кальвинистовъ въ истинности главныхъ католическихъ догматовъ вѣры. Посредствомъ ловкихъ оборотовъ рѣчи авторъ старался убѣдить противниковъ въ томъ, что обѣ стороны гораздо ближе стоятъ одна къ другой, чѣмъ какъ представляли ихъ до времени Боссюэта въ жару религіозныхъ споровъ. Всѣми мѣрами Боссюэтъ старается доказать, что пункты вѣроученія, раздѣляющіе обѣ религіозныя партіи, не настолько различны и рѣшительны, чтобы стоило изъ-за нихъ расходиться на два противоположныхъ лагеря. Вслѣдствіе этихъ причинъ «Exposition de la doctrine de l' Eglise Catholique» полно самыхъ навязчивыхъ, натянутыхъ доказательствъ, софистическая фальшивость которыхъ искусно прикрыта увлекательно виѣшней одеждою. Опираясь прежде всего на сознаніе самихъ протестантовъ, Боссюэтъ доказываетъ, что католики признаютъ всѣ существенныя пункты христіанскаго вѣроученія. Но какъ ни усиливается католическій прелатъ, а изъ-подъ пера его выходитъ далеко не та догматика, какая принята у всѣхъ католиковъ. Въ богословскомъ трактатѣ Боссюэта ученіе римскаго католицизма артистически украшено формами мягкими, благопріятными для римской церкви. Боссюэтъ нарочито обходитъ молчаніемъ неудоборазрѣшимыя догматическія возраженія противниковъ, или, при пособіи схоластической діалектики, тотъ же вопросъ представляетъ иначе, въ другомъ свѣтѣ и видѣ. Здѣсь читаешь не столько рѣчь могучаго, здраво мыслящаго генія, сколько диссертацию тонкаго діалектика полемиста временъ схоластики, который все стремится направить въ пользу римско-католическаго вѣроученія. Какія, напримѣръ, громадныя усилія употребляетъ Боссюэтъ для того, чтобы оправдать неосновательность внесенія католиками въ

¹⁾ Allgemeines hist. Lexicon.—Band I, S. 610—611.

суть вѣры слова: «filioque?» Равнымъ образомъ, какъ много усиливается этотъ ученый софистъ для того, чтобы найти желя сколько нибудь разумное основаніе для римско-католическаго обычая: 1) крестить младенцевъ не ранѣе 7-ми-лѣтняго возраста,—2) крестить ихъ чрезъ обливаніе, а не чрезъ прекратное погруженіе въ воду? Далѣе, для достиженія своей задуманной цѣли—примирить обѣ релігіозныя враждующія партіи, Боссюэтъ позволялъ себѣ, съ свойственною ему іезуитскою ловкостію, сообщать различнымъ вѣроисповѣданіямъ такой видъ и характеръ, какого они не имѣли на самомъ дѣлѣ. Строгіе католики не хотѣли помириться съ іезуитско-приспособительною системою Боссюэта. Разбираемое нами сочиненіе его казалось имъ собраніемъ странныхъ, непростительныхъ уступокъ со стороны римско-католическаго богослова. Католики заговорили, что «индифферентивный синкретизмъ Боссюэта обнаруживаетъ въ немъ отсутствіе той живой сердечной вѣры, которую нѣкогда провозвѣщали св. отцы и учителя Христовой церкви». Для примѣра приведемъ здѣсь мнѣніе объ этомъ Людвигъ—Мембурга. «Онъ употребляетъ, пишетъ Мембургъ о Боссюэтѣ отъ лица кардинала Кантарини, такіа двусмысленныя выраженія, которыя не выражаютъ прямо существа вѣры. Въ его «Изложеніи вѣры» вы найдете такіа приспособляющіяся, уступчивыя, релігіозныя представленія, которыя то утаиваютъ часть ученія церкви, то выражаютъ его въ неопредѣленныхъ и смягченныхъ оборотахъ рѣчи» ¹⁾. Подобнаго же рода упреки сыпались на голову Боссюэта и съ протестантской стороны. Реформатскіе ученые Жорье, Ногьеръ, Бастидъ и другіе укоряли его то за множество произвольныхъ, ему одному свойственныхъ релігіозныхъ воззрѣній, которыя Боссюэтъ выдавалъ подъ именемъ

¹⁾ Christliche Kirchen-geschichte seit der Reformation—von Schröck. Band VII. S. 281.

вѣрованій цѣлой римско-католической церкви, то за недостаток искренней откровенности, за умышленный пропускъ всего соблазнительнаго, непривлекательнаго и крайне-несостоятельнаго въ системѣ католицизма ¹⁾. Справедливость этихъ упрековъ очевидна. Такъ при внимательномъ взглядѣ на «Изложеніе вѣры» Боссюэта замѣтны искусственные приемы католическаго богослова, который старается скрыть отличительныя и непримиримыя разности двухъ противоположныхъ доктринъ западнаго религіознаго міра. Читая это сочиненіе Боссюэта, вы встрѣчаете то потокъ однихъ пустыхъ, схоластическихъ, софистическихъ фразъ, нѣсколько не подтверждающихъ существа дѣла, то нарочитую краткость, сжатость рѣчи даже умышленные скачки и пропуски. Васъ не мало поражаетъ также и то, что проблематическія предположенія автора хотятъ здѣсь имѣть силу и значеніе рѣшительныхъ аподиктическихъ истинъ. Само собою понятно, какъ шаты подобныя придуманныя, или только на прокатъ взятые, мнимыя истинныя положенія. Впрочемъ иначе и быть не могло. Римско-католическая догматика отличается такою несостоятельностью что защитнику ея ничего не остается дѣлать, какъ покрывши совѣстію, посягнуть на чистоту христіанскаго вѣроученія. Боссюэтъ самъ признавалъ слабость римско-католической религіозной системы. Вотъ почему слабыя стороны ея онъ и вовсе обходилъ молчаніемъ, или облекалъ ихъ искусственною и болѣе привлекательною одеждою. Но это не мѣшало ему остаться вѣрнымъ читателемъ нѣкоторыхъ папскихъ теорій. Такъ въ его Изложеніи вѣры вы находите тоже римско-католическое вѣроученіе о чистилищѣ, хотя авторъ замѣчаетъ, что ²⁾ «риф

¹⁾ Kirchen Lexicon—Wetzer und Welte, B. II. S. 123—128.

²⁾ Подобныя замѣчанія Боссюэта ясно показываютъ его поутвержденіе въ основательности и состоятельности проповѣдуемыхъ имъ началъ римско-католическаго вѣроученія.

шая церковь ничего не сказала опредѣленнаго, да и не хочетъ опредѣлить, въ чемъ именно состоятъ эти чистилищныя наказанія»¹⁾. Равнымъ образомъ въ своемъ сочиненіи Боссюэтъ проводитъ тотъ же римско-католическій взглядъ на необходимость, древность и пользу папскихъ индульгенцій, хотя и говоритъ, что индульгенція не должны быть раздаваемы ко вреду церковной дисциплины»²⁾. Точно такими же католическими глазами смотритъ онъ на папство. О церковномъ судѣ и власти папы онъ судитъ, какъ истый католикъ. «Такъ какъ Сынъ Божій, читаемъ въ концѣ его катихизиса, восхотѣлъ, чтобы Его церковь была единою, и устроилъ ее на началахъ единства: то учредилъ главенство св. Петра для того, чтобы поддерживать и укрѣплять ее. Поэтому мы признаемъ это главенство и его преемниковъ, которымъ того ради подчинено и послушно все, чему учили всѣхъ вѣрующихъ св. отцы.... Далѣе мы вѣруемъ, что тѣ, которые чрезъ крещеніе подлежатъ церковному надзору и потомъ нарушили евангельскій законъ, должны безусловно признавать надъ собою судъ церкви, произнесенный на непогрѣшимомъ судебномъ ступѣ папы. И такъ какъ папа произноситъ индульгенціи во имя Христова: то судъ его такъ же достоинъ уваженія, какъ еслибы самъ Иисусъ Христосъ заступилъ его судейское мѣсто. Судъ папскій служить столь необходимою уздою для произвола, столь ощутительнымъ утѣшеніемъ для душъ, смущенныхъ грѣхами, что наши противники не могутъ не сожалѣть о потерѣ его»³⁾. При такомъ предубѣжденномъ воззрѣніи автора на дѣло вѣры, едва ли теперь кому поправится то благопріятное представленіе о римско-католическомъ вѣроуче-

¹⁾ Christliche Kirchen—Geschichte seit der Reformation—von Schröck. B. VII, S. 272.

²⁾ Ibid.

³⁾ Christl. Kirchengesch. von Schröck. B. VII S. 273- 274.

ній, какое мы находимъ въ катихизисѣ Боссюэта Только папа да кардиналы, которые крайне нуждались тогда въ подобныхъ защитникахъ ихъ любимыхъ теорій, могли осыпать щедрыми похвалами произведеніе искуснаго пера французскаго католика полемиста временъ Людовика XIV-го.

Защищая католицизмъ на бумагахъ, Боссюэтъ отстаивалъ его начала и въ устныхъ бесѣдахъ съ противниками. Такъ вскорѣ одно обстоятельство вызвало его на словесное состязаніе съ шарентонскимъ пасторомъ Клавдіемъ. По просьбѣ фрейлины, второй жены орлеанскаго герцога, Де-дюра, 1-го марта 1678 года въ 3 часа по полудни въ домѣ герцогини Де-руа начался между Боссюэтомъ и Клавдіемъ торжественный диспутъ, который продолжался 5 часовъ. Спорили о церкви. Боссюэтъ старался доказать ту мысль, что католики и протестанты въ существѣ дѣла имѣютъ одинъ символъ и одинаково признаютъ церковь. Разница между ними, по Боссюэту, состоитъ въ томъ, что первые вѣруютъ въ непогрѣшимость церковныхъ вѣроопредѣленій, а послѣдніе напротивъ учатъ, что церковь можетъ ошибаться. «Впрочемъ въ ученіи реформаторовъ, прибавляетъ онъ, встрѣчаемъ столько разныхъ «противорѣчій, что трудно добратъся въ нихъ истиннаго, «опредѣленнаго ученія объ этомъ предметѣ»¹⁾. Затѣмъ Боссюэтъ перебираетъ статьи протестантскаго шарентонскаго сейма, написанныя съ цѣлю—опровергнуть непогрѣшимый авторитетъ церкви. Опровергая эти статьи, Боссюэтъ доказывалъ своему оппоненту необходимость безпрекословнаго повиновенія какъ суду, такъ и ученію, постановленіямъ церкви. Въ заключеніе спора знаменитый защитникъ римской церкви грозно укорялъ Клавдія, а въ его лицѣ и всѣхъ реформаторовъ, за повизну нѣкоторыхъ пунктовъ ихъ вѣроученія. Боссюэтъ

¹⁾ Этотъ диспутъ изложенъ въ 1-мъ томѣ *Oeuvres de Bossuet*, édit. 1756—37 г.

утверждалъ, что предводители новой реформы, при образованіи своихъ частныхъ церквей, во всемъ слѣдовали поведенію древнихъ еретиковъ и что никто изъ нихъ и никогда не могъ удовлетворительно отвѣтить на вопросы: «гдѣ ты былъ вчера? Зачѣмъ отдѣлился отъ церкви»? Диспутъ окончился тѣмъ, что Боссюэтъ восторжествовалъ надъ противникомъ. Результатомъ его полемики съ Клавдіемъ было немедленное обращеніе въ католицизмъ самой виновницы этого религіознаго спора ¹⁾.

(Окончаніе бухетъ).

М. Лебедевъ.

—————

¹⁾ Oeuvres de Bossuet, T. IX, p. 555. Rem. XVI et XVII.